

ПРОЛОГ

День, когда Кир умер, начинался слишком обычно.

С первыми утренними лучами он плотно задернул шторы. Едва зарозовевшее небо скрылось за мраком черной ткани, и в спальне вновь воцарилась ночь. Будь его воля, рассвет бы никогда не наступал. Но жизнь не любит проигрывать.

В очередной раз тишину разорвала настойчивая трель будильника. Ну кто придумал эту гадость? Какую мелодию ни поставь, уже на следующий день ты ее возненавидишь. Кир вслепую потыкал кнопки громкости на телефоне, чтобы звуки смолкли, и только успел блаженно расслабиться, как дверь распахнулась, впуская внутрь блондинистый вихрь по имени Виктория.

— Восстань, воин мрака! — Она с хохотом распахнула шторы и встала напротив кровати. — Царство света пришло к тебе!

— Вик, ну минуточку еще... — Кир спрятал лицо под одеялом и поглубже закопался в самую удобную на свете подушку. Стоит ли говорить, как сильно он ненавидел ранние подъемы?

Но рука уцепилась за другой край покрывала и резко дернула его. Желтые лучи залили всю постель и резанули глаза сквозь сомкнутые веки.

— Ты изверг, — прохрипел Кир беззлобно.

— Я ему кофе сделала, а он обзывается...

— С корицей? — Кир приоткрыл один глаз. Вика жизнерадостно улыбалась, словно и не она каждое утро затевала эту битву с его сном. Сил ей было не занимать — она всегда побеждала.

— Ага, и с мясной подливой. Вставай, засоня, мы на работу опоздаем.

Кир открыл второй глаз, изображая покорность судьбе, даже слегка привстал. А потом поймал прохладную руку и рванул на себя. От неожиданности Вика не удержалась на ногах и рухнула в теплую постель, прямо в раскрытые объятия.

Кир тут же сомкнул руки и с наслаждением зарылся лицом в пышную копну, пахшую полевыми цветами.

— Попалась, — нежно прошептал он, обнимая еще крепче.

— Уже восемь, мы опаздываем! — завопила Вика, но Кир слышал в ее голосе улыбку, да и сопротивлялась она не всерьез.

— День от нас никуда не убежит... И ты теперь тоже.

Он нашел губами ее шею, ласково коснулся легким поцелуем. Вика вздрогнула и бросила попытки вырваться. Такое утро нравилось Киру гораздо больше, такое он готов был пережить и повторять почаще. И лишь новая трель неугомонного будильника заставила их прерваться.

— У меня сегодня совещание с генеральным, помнишь? А ты всю прическу испортил, — грустным ее голос не был, и поднималась Вика с неохотой.

— Так ты еще красивее. А совещание в двенадцать, не опоздаешь. — Кир хмыкнул и потянулся за штанами.

Пора выбираться в промозглую московскую осень, становится Кириллом Сергеевичем, младшим офис-менеджером в фирме, принадлежавшей отцу его девушки. Положение изначально незавидное, и Кир в равной степени не любил полную форму своего имени и работу, на которой только уборщицы не смотрели на него косо. Но кредит за обучение по гейм-дизайну ему платить еще пару лет, а пристроиться на другую работу до конца курсов он не мог.

Поэтому Кир терпел и ждал. К двадцати семи годам всё, что он умел, — это ждать. Казалось, вот сейчас, еще немного, и начнется та самая жизнь, которая настоящая. Сначала универ, потом первая разочаровывающая работа, подработка курьером, попытка заняться киберспортом всерьез, теперь эти курсы и эта работа... Когда в детстве Кир представлял свою будущую жизнь, она искрила красками, наполнилась приключениями и путешествиями, а каждый новый день был незабываем — это показывали в рекламе и в любимых фильмах. Ему так тепло улыбалась мать, когда забирала со школы. Она возвращалась к нему из чудесного мира взрослых людей, наполненного событиями, и Кир мечтал когда-нибудь стать его частью.

Но однажды его мать ушла и не вернулась. Он слышал, как бабушка ругалась с ней по телефону несколько месяцев кряду, но не вслушивался в разговоры. Он не обиделся на маму, не обиделся на отца, который бросил их еще раньше, и на бабушку, которая, как ни старалась, мрачнела с каждым днем всё больше. Кир просто начал ждать.

Это ожидание было серого цвета, как и вся жизнь вокруг. Оно пропитало его дом, его дни и даже сам воздух, которым Кир дышал. Но он умел терпеть и верить, что когда-нибудь его жизнь тоже станет настоящей.

К двадцати семи годам Кир уже догадывался, что терпел он не ради светлого, загадочного будущего, не ради приключений и путешествий или куда там еще отправилась мать, которая уже много лет даже не звонила. Что он просто терпел, а вся серость вокруг и была его «настоящей жизнью», а ожидание пропиталось запахом тлена, но он по инерции продолжал делать то, что делалось, и куда-то идти, периодически что-то менять. Старую, детскую веру не так легко убить даже взрослым цинизмом.

А пару лет назад появилась Виктория, такая яркая и искрящаяся, наполненная жизнью и светом настолько сильно, что Кир отряхнул пыль со старой мечты и принял-ся ждать еще усиленное. Ждать настоящей жизни, которая вот-вот начнется с ней.

По утрам, после совместной победы над сном, они садились в ее машину, ехали в офис, где в перерывах Кир искал курсы и ловил ее улыбки. Вика не ждала, Вика планировала, и он с удовольствием соглашался на ее планы. А с премией откладывал на первый совместный отпуск в Тае.

Поэтому и сегодня, как обычно, он сел в машину на пассажирское сиденье, плотнее закутался в пальто, которое подарила Вика, и стал ждать, когда салон прогреется. Она что-то бодро щебетала, глядя то на него, то в телефон, но Кир не слушал. Серые тучи заволокли огромное небо в считанные минуты, и дождь по стеклу стучал так громко, что заглушал все остальные звуки. Почему-то в голову закралась дурацкая мысль, что он слышит финальный отсчет, но непонятно, где его начало, а где конец. И что же он отсчитывал? Мысль не желала выходить из головы.

— Кир, ты меня слушаешь?

— Да, да. — Он с усилием переключился на ее голос. — Завтра пятница, мы идем в бар.

Она уже несколько дней повторяла это, и понять, о чем был разговор, не составило труда.

— Я позову Ксюшу с Витей, — укоризненно повторила Вика, видимо, уже не в первый раз.

— Хорошо, любимая, — легко согласился Кир. У Вики было много друзей — из университета, с прошлой работы и даже со школы. В отличие от него она была буквально магнитом для людей, таких же бодрых и вечно планирующих, как она сама.

У Кира был только один друг, Костя, с которым теперь они раз в две-три недели пили пиво в его холостяцкой квартире в подмосковных Люберцах. Раньше Кир жил рядом, и встречи случались гораздо чаще — очевидно, что теперь Костя не любил квартиру Вики на Таганке у метро и, возможно, саму Виду тоже, но никогда не говорил вслух. Костя вообще на редкость малословен, и Кир это ценил.

У него всегда был человек, с которым можно помолчать «на одной волне».

По забитой набережной они долго ехали мимо красно-серых башен Кремля, размываемых струями дождя на боковом окне, и Кир силился их посчитать, но сбивался уже на третьей. Проклятый стук молотом бил в голове. Неужели мигрень? Давно ведь не было...

Наконец они свернули у Александровского и пять минут спустя уже парковались у офиса.

— Хочешь, ты завтра поведешь? — вдруг спросила Вика.

— Я... — Кир растерялся, с трудом возвращая себя в реальность. — Да. Давай.

Вот бы завтра не было этого оглушающего дождя.

Дверь машины распахнулась, пропуская внутрь ледяной порыв ветра. Кир поймал ее за руку и притянул к себе.

— Люблю тебя, — прошептал он, снова зарываясь в пышную копну светлых волос, прячась там от осеннего холода и сводящего с ума стука.

— И я тебя, мой родной, — улыбнулась она, крепко сжав в ответ его руку.

Они вместе вышли из машины, вместе миновали стеклянные двери офиса, и только за порогом Кир выпустил ее ладонь. До самого вечера солнце больше не выглядывало.

Днем Кирилл говорил по телефону, разбирался с бумагами, куда-то ходил и что-то решал и почти не видел Вику. Навязчивый стук преследовал его повсюду: барабанил по асфальту, по стеклам, и казалось, он даже слышал, как тот бился по крыше. Прежде Кир любил дождь, особенно когда не нужно выходить на улицу и можно наслаждаться пасмурным небом из окна — прежде, но не сегодня. Он не верил в предчувствия, дурные знаки и прочую мистическую лабуду, но весь день неосознанно думал, что дождь считал именно для него. Считал минуты, которые неотвратимо заканчивались.

К обеду он так извелся, что уснул прямо за столом и пропустил все звонки Вики. Во сне дождь продолжал стучать.

«Я сегодня задержусь, тут работы навалилось», — написал он около шести.

«Дождусь тебя в машине», — тут же ответила Вика.

«Нет, езжай, я буду очень поздно. Прости».

В ответ пришел сначала грустный смайлик, потом много сердечек и обнимашек, у Вики был богатый набор на все случаи жизни. Кир подумал, как она будет грустить в квартире и дергаться от каждого скрипа соседских дверей. Он знал, почему любил Викторию — разве такую можно не любить? — но совершенно не представлял, что она нашла в нем.

Кир старался пореже искать причины и позволять себе подобные размышления, от них за версту разило деструктивным влиянием и слишком дорогим чеком от психолога. И лишь в такие вечера, когда сердце сжималось от тоски, представляя ее одну, он думал, что Вика могла бы найти себе кого-то более успешного. Не офис-менеджера, которому приходится задерживаться на работе за гроши и который не может оплатить ремонт ее машины или свозить в Тай, не предлагая делить расходы на двоих.

Он сам ждал всю жизнь, а теперь получается, что и ее заставлял ждать — ждать, когда он сможет стать тем парнем, которого она заслуживала. Действительно ли ждала Вика или ее всё уже устраивало? Кир не знал.

Дождь закончился ровно в то мгновение, когда Кир покинул стеклянное здание офиса. Стук утих, отсчет завершился. Он вытянул вперед руки, безуспешно пытаясь поймать последние капли. Но ладони так и остались сухими, в оранжевом свете фонаря показавшиеся слишком бледными. Где-то внутри еще стучало сердце, вторя недавнему дождю.

Он медленно побрел к метро, стараясь обходить глубокие лужи, но ботинки на тонкой подошве всё равно промокли. Ноги тут же замерзли, пальцы заболели, но Кир не ускорился. Метро было совсем рядом с офисом, и он не заметил, как обогнул его стороной.

Кир не задумался, почему не спешит домой к Вике, которую так мечтал обнять еще несколько минут назад. Сам не понял, как оказался на темной набережной, вслушиваясь в тихий плеск волн внизу. Чувствовал только тоску о недавнем дожде, оплакивавшем его бесконечное ожидание так и не наступившей жизни.

Он остановился в тени, вдали от людей и уставился на реку. Вот бы снова пошел дождь.

— Прости, парень, ничего личного, — сказал тихий, грустный голос рядом.

Кир хотел обернуться и спросить, но течение заворозило его, лишило последних сил на борьбу. Шею пронзила резкая боль, а потом затихла и она, черная пелена, поглотила набережную, Москву и его самого. Последним, что он слышал, был громкий всплеск, когда его тело погрузилось в воду и пошло ко дну, но сырости Кир уже не чувствовал.

10... КОПАТЬ ИЛИ НЕ КОПАТЬ

Своих похорон Кир почти не запомнил.

Как сквозь сон он слышал срывающийся голос Вики, потом ее всхлипы. Хотел подняться и утешить, но тяжесть тысячи гор свалилась на его плечи, не давая очнуться. Были и другие голоса, звуки, когда смолк шум воды в ушах. Он лежал, почти не чувствуя себя, и реальность постоянно проваливалась во тьму, туман заволакивал разум. Вика оставалась где-то там, далеко, за завесой жизни, а он всё еще тонул.

Как ни странно, страха не было, и даже глухая боль ощущалась словно не своя. Вековые горы придавили не только его тело, но и чувства... Кир и сам не знал, как долго он пролежал в забытьи, ожидая прихода вечно-го забвения. Хоть раз в жизни он должен был дождаться?! Хоть раз ожидание должно завершиться успехом, даже если это ожидание собственной кончины. Хоть раз! Но забвение не снисходило до него. Киру очень не везло, когда он начинал ждать.